

КОММЕНТАРИИ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Александр Исаевич Солженицын родился 11 декабря 1918 г. в Кисловодске. Отец его, поручик-артиллерист, вернувшийся с фронта германской войны, погиб от несчастного случая на охоте за полгода до рождения сына.

В 1925 г. мать взяла сына от бабушки-дедушки из Кисловодска в Ростов-на-Дону, где работала с 1921 г. стенографисткой. В Ростове А. С. окончил среднюю школу (1936), затем физмат Университета (1941). Одновременно учился, два года перед войной, на литературном факультете заочного отделения Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ).

Начав войну рядовым, А. С. прошёл краткосрочный курс артиллерийского училища (3-е ЛАУ в Костроме), в ноябре 1942-го выпущен лейтенантом, с декабря командир батареи звуковой разведки. Воевал в составе 794-го Отдельного армейского разведывательного артиллерийского дивизиона (ОАРАД) сперва на Северо-Западном фронте, потом на Центральном, позже на 2-м Белорусском. Участник Орловской битвы, после взятия Орла, в августе 1943 г., награждён орденом Отечественной войны 2-й степени. Спустя год, после форсирования Днепра, — орденом Красной Звезды. Командуя батареей — непрерывно на фронте до февраля 1945, когда, уже в Восточной Пруссии, в звании капитана, арестован за откровенную переписку с другом юности, содержавшую и критику Сталина.

В июле 1945 г. постановлением Особого Сопровождающего НКВД получил по статье 58-10, 11 восемь лет лагерей (11-й, «групповой», пункт «анти-советской» 58-й статьи добавлял «вечную ссылку» после лагеря). Часть срока провёл в «спецгюрме МГБ», закрытом НИИ, где заключённые специалисты разрабатывали секретные средства телефонной связи («Марфинская шарашка»). На этом материале написан роман «В круге первом». С 1950 по 1953 г. А. С. отбывает наказание в одном из Особлагов МВД, в Экибастузе (Степлаг, Казахстан), где работает каменщиком, потом литейщиком. В 1952-м у него обнаруживается рак, его оперируют в лагерной больнице, но рак успел дать метастазы. Через год, по окончании восьмилетнего срока, отправлен на вечное поселение в аул Кок-Терек Джамбульской области, где ведёт в школе математику, физику, астрономию. Однако метастазы разрастаются, и А. С. едет в онкологическую клинику Ташкента «почти уже мертвецом». Чудом излечившись, расценил это как данную свыше «отсрочку».

В 1956 г., по общему снятию ссылки, переехал в сельскую местность Средней России, во Владимирскую область. 1956/57 учебный год преподавал в школе в посёлке Мезиновском, жил в доме крестьянки

Матрёны Васильевны Захаровой, о которой позже написал рассказ «Матрёнин двор». В начале 1957 г. реабилитирован. С 1957 по 1962-й — учительствовал в Рязани.

В 1962 г. стараниями главного редактора «Нового мира» А. Т. Твардовского разрешён был к печати рассказ А. С. «Один день Ивана Денисовича» («Новый мир». 1962. № 11). В последующие годы «Новый мир» напечатал ещё четыре его рассказа, а все остальные произведения (роман «В круге первом», повесть «Раковый корпус», пьесы, киносценарии и др.) были наглухо запрещены, но некоторые из них ходили в самиздате.

В 1967 г. А. С. распространил «Письмо IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей», в котором потребовал отмены цензуры и реабилитации писателей, уничтоженных во время репрессий. В 1968—1969 гг. за рубежом вышли «В круге первом» и «Раковый корпус».

В 1969 г. начал писать «Красное Колесо» — эпопею о российской революции. В том же году исключён из Союза писателей СССР.

В 1970 г. А. С. присуждена Нобелевская премия по литературе «за нравственную силу, с какой он продолжил исконную традицию русской литературы».

В феврале 1974 г., вскоре после издания на Западе книги «Архипелаг ГУЛАГ», трёхтомного исследования сталинских лагерей, А. С. был арестован и насильственно выслан на Запад с лишением советского гражданства. После ареста писателя по рукам стал ходить его манифест «Жить не по лжи!».

Сразу по высылке А. С. основал «Русский Общественный Фонд» помощи узникам ГУЛАГа, куда передал все мировые гонорары за «Архипелаг ГУЛАГ».

На Западе А. С. завершил мемуарную книгу «Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни», впервые напечатал три лагерные пьесы, два киносценария, в 1983 начал и в 1991 г. завершил публикацию «Красного Колеса», много выступал с публицистикой.

С 1989 г. произведения А. С. вновь стали печатать на родине. В 1990 г. ему возвращено советское гражданство. Осенью того же года тиражом 27 миллионов экземпляров опубликована статья «Как нам обустроить Россию?». В мае 1994 г. писатель вернулся домой, прилетев из Аляски во Владивосток и проехав поездом до Москвы через всю страну.

На родине А. С. написал и опубликовал восемь «двучастных» рассказов, военную повесть, новый цикл миниатюр «Крохотки», печатает серию литературно-критических этюдов из своей «Литературной коллекции». Оценку «шоковой терапии» и состояния страны выразил в книге «Россия в обвале» (1998). В 2001—2002 гг. вышло в свет двухтомное исследование русско-еврейских отношений «Двести лет вместе». В 2003 г. завершена журнальная публикация «очерков изгнания» — «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов».

В 1997 г. «Русский Общественный Фонд» учредил в России ежегодную «Литературную премию Александра Солженицына», лауреатами которой стали крупные учёные, писатели, кинематографисты.

РАССКАЗЫ 1959—1966

Один день Ивана Денисовича

Почти треть тюремно-лагерного срока — с августа 1950 по февраль 1953 г. — Александр Исаевич Солженицын отсидел в Экибастузском особом лагере на севере Казахстана. Там, на общих работах, и мелькнул долгим зимним днём замысел рассказа об одном дне одного ээка. «Просто был такой лагерный день, тяжёлая работа, я таскал носилки с напарником и подумал, как нужно бы описать весь лагерный мир — одним днём, — рассказал автор в телеинтервью с Никитой Струве (март 1976 г.). — Конечно, можно описать вот свои десять лет лагеря, там всю историю лагерей, — а достаточно в одном дне всё собрать, как по осколочкам, достаточно описать только один день одного среднего, ничем не примечательного человека с утра и до вечера. И будет всё»*.

Рассказ написан в Рязани, где А. С. поселился в июне 1957 г. и с нового учебного года стал учителем физики и астрономии в средней школе № 2. Начат 18 мая 1959 г., закончен 30 июня. Работа заняла меньше полутора месяцев. «Это всегда получается так, если пишешь из густой жизни, быт которой ты чрезмерно знаешь, и не то что не надо там догадываться до чего-то, что-то пытаться понять, а только отбиваешься от лишнего материала, только-только чтобы лишнее не лезло, а вот вместить самое необходимое», — говорил автор в радиointerview для Биби-си (8 июня 1982 г.), которое вёл Барри Холланд**.

Сочиняя в лагере, А. С., чтобы сохранить сочинённое в тайне и с ним самого себя, заучивал наизусть сначала одни стихи, а под конец срока диалоги в прозе и даже сплошную прозу. В ссылке, а затем и реабилитированным он мог работать, не уничтожая отрывок за отрывком, но должен был таиться по-прежнему, чтобы избежать нового ареста. После перепечатки на машинке рукопись сжигалась. Сожжена и рукопись лагерного рассказа. А поскольку машинопись нужно было прятать, текст печатался на обеих сторонах листа, без полей и без пробелов между строчками.

Только через два с лишним года, после внезапной яростной атаки на Сталина, предпринятой его преемником Н. С. Хрущёвым на XXII съезде партии (17—31 октября 1961 г.), А. С. рискнул предложить рассказ в печать. «Пещерная машинопись» (из осторожности — без имени автора) 10 ноября 1961 г. была передана Р. Д. Орловой, женой тюремного друга

* Александр Солженицын. Публицистика: В 3 т. Т. 2. Ярославль, 1996. С. 424. В настоящем издании т. 23.

** Там же. Т. 3. 1997. С. 21. В настоящем издании т. 24.

А. С. — Льва Копелева, в отдел прозы журнала «Новый мир» Анне Самойловне Берзер. Машинистки переписали оригинал, у зашедшего в редакцию Льва Копелева Анна Самойловна спросила, как назвать автора, и Копелев предложил псевдоним по месту его жительства — А. Рязанский.

8 декабря 1961 г., едва главный редактор «Нового мира» Александр Трифонович Твардовский после месячного отсутствия появился в редакции, А. С. Берзер попросила его прочитать две непростых для прохождения рукописи. Одна не нуждалась в особой рекомендации хотя бы по слышанности об авторе: это была повесть Лидии Чуковской «Софья Петровна». О другой же Анна Самойловна сказала: «Лагерь глазами мужика, очень народная вещь». Её-то Твардовский и взял с собой до утра. В ночь с 8 на 9 декабря он читает и перечитывает рассказ. Утром по цепочке дозванивается до того же Копелева, расспрашивает об авторе, узнаёт его адрес и через день телеграммой вызывает в Москву. 11 декабря, в день своего 43-летия, А. С. получил эту телеграмму: «Прошу возможно срочно приехать редакцию нового мира зпт расходы будут оплачены = Твардовский*». А Копелев уже 9 декабря телеграфировал в Рязань: «Александр Трифонович восхищён статьёй» (так бывшие ээки договорились между собой шифровать небезопасный рассказ). Для себя же Твардовский записал в рабочей тетради 12 декабря: «Сильнейшее впечатление последних дней — рукопись А. Рязанского (Солонжицына), с которым встречусь сегодня**». Настоящую фамилию автора Твардовский записал с голоса.

12 декабря Твардовский принял А. С., созвав для знакомства и беседы с ним всю головку редакции. «Предупредил меня Твардовский, — замечает А. С., — что напечатания твёрдо не обещает (Господи, да я рад был, что в ЧКГБ не передали!), и срока не укажет, но не пожалеет усилий***. Тут же главный редактор распорядился заключить с автором договор, как отмечает А. С., «по высшей принятой у них ставке (один аванс — моя двухлетняя зарплата)». Преподаванием А. С. зарабатывал тогда «шестьдесят рублей в месяц»****.

Первоначальные названия рассказа — «Щ-854», «Один день одного ээка». Окончательное заглавие сочинено в редакции «Нового мира» в первый приезд автора по настоянию Твардовского «переброской предположений через стол с участием Копелева»*****.

По всем правилам советских аппаратных игр Твардовский стал исподволь готовить многоходовую комбинацию, чтобы в конце концов заручить-

* Наталья Решетовская. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С. 53.

** Александр Твардовский. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2000. № 6. С. 171.

*** А. Солженицын. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М., 1996. С. 28. В настоящем издании т. 28.

**** Там же. С. 29.

***** Там же. С. 28.

ся поддержкой главного аппаратчика страны Хрущёва — единственного человека, который мог разрешить публикацию лагерного рассказа. По просьбе Твардовского для передачи наверх письменные отзывы об «Иване Денисовиче» написали К.И. Чуковский (его заметка называлась «Литературное чудо»), С.Я. Маршак, К.Г. Паустовский, К.М. Симонов... Сам Твардовский составил краткое предисловие к повести и письмо на имя Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущёва. 6 августа 1962 г. после девятемесечной редакционной страды рукопись «Одного дня Ивана Денисовича» с письмом Твардовского была отправлена помощнику Хрущёва — В.С. Лебедеву, согласившемуся, выждав благоприятный момент, познакомить патрона с необычным сочинением.

Твардовский писал:

«Дорогой Никита Сергеевич!

Я не счёл бы возможным посягать на Ваше время по частному литературному делу, если бы не этот поистине исключительный случай.

Речь идёт о поразительной повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Имя этого автора до сих пор никому не было известно, но завтра может стать одним из замечательных имён нашей литературы.

Это не только моё глубокое убеждение. К единодушной высокой оценке этой редкой литературной находки моими соредакторами по журналу «Новый мир», в том числе К.Ф. Фединым, присоединяются и голоса других видных писателей и критиков, имевших возможность ознакомиться с ней в рукописи.

Но в силу необычности жизненного материала, освещаемого в повести, я испытываю настоятельную потребность в Вашем совете и одобрении.

Одним словом, дорогой Никита Сергеевич, если Вы найдёте возможность уделить внимание этой рукописи, я буду счастлив, как если бы речь шла о моём собственном произведении»^{*}.

Спустя месяц Лебедев на досуге начал читать Хрущёву рассказ.

Параллельно с продвижением рассказа через верховные лабиринты в журнале шла рутинная работа с автором над рукописью. 23 июля состоялось обсуждение рассказа на редколлегии. Член редколлегии, вскорости ближайший сотрудник Твардовского Владимир Лакшин записал в дневнике:

«Солженицына я вижу впервые. Это человек лет сорока, некрасивый, в летнем костюме — холщовых брюках и рубашке с расстёгнутым воротом. Внешность простоватая, глаза посажены глубоко. На лбу шрам. Спокоен, сдержан, но не смущён. Говорит хорошо, складно, внятно, с исключительным чувством достоинства. Смеётся открыто, показывая два ряда крупных зубов.

Твардовский предложил ему — в максимально деликатной форме, ненавязчиво — подумать о замечаниях Лебедева и Черноуцана (сотрудник ЦК

КПСС, которому Твардовский давал рукопись Солженицына. — В.Р.) Скажем, прибавить праведного возмущения кавторангу, снять оттенок сочувствия бандеровцам, дать кого-то из лагерного начальства (надзирателя хотя бы) в более примирённых, сдержанных тонах, не все же там были негодяи.

Дементьев (заместитель главного редактора «Нового мира». — В.Р.) говорил о том же резче, прямолинейнее. Яро вступился за Эйзенштейна, его «Броненосец «Потёмкин»». Говорил, что даже с художественной точки зрения его не удовлетворяют страницы разговора с баптистом. Впрочем, не искусство его смущает, а держат те же опасения. Дементьев сказал также (я на это возражал), что автору важно подумывать, как примут его повесть бывшие заключённые, оставшиеся и после лагеря стойкими коммунистами.

Это задело Солженицына. Он ответил, что о такой специальной категории читателей не думал и думать не хочет. «Есть книга, и есть я. Может быть, я и думаю о читателе, но это читатель вообще, а не разные категории... Потом, все эти люди не были на общих работах. Они, согласно своей квалификации или бывшему положению, устраивались обычно в комендатуре, на хлеборезке и т. п. А понять положение Ивана Денисовича можно, только работая на общих работах, то есть зная это изнутри. Если бы я даже был в том же лагере, но наблюдал это со стороны, я бы этого не написал. Не написал бы, не понял и того, какое спасение труд...»

Зашёл спор о том месте повести, где автор прямо говорит о положении кавторанга, что он — тонко чувствующий, мыслящий человек — должен превратиться в тупое животное. И тут Солженицын не уступал: «Это же самое главное. Тот, кто не отупеет в лагере, не огрубит свои чувства — погибает. Я сам только тем и спасаю. Мне страшно сейчас смотреть на фотографию, каким я оттуда вышел: тогда я был старше, чем теперь, лет на пятнадцать, и я был туп, неповоротлив, мысль работала неуклюже. И только потому спасаю. Если бы, как интеллигент, внутренне метался, нервничал, переживал всё, что случилось, — наверняка бы погиб».

В ходе разговора Твардовский неосторожно упомянул о красном кармане, который в последнюю минуту может то либо другое вычеркнуть из повести. Солженицын встревожился и попросил объяснить, что это значит. Может ли редакция или цензура убрать что-то, не показав ему текста? «Мне цельность этой вещи дороже её напечатания», — сказал он.

Солженицын тщательно записал все замечания и предположения. Сказал, что делит их на три разряда: те, с которыми он может согласиться, даже считает, что они идут на пользу; те, о которых он будет думать, трудные для него; и наконец, невозможные — те, с которыми он не хочет видеть вещь напечатанной.

Твардовский предлагал свои поправки робко, почти смущённо, а когда Солженицын брал слово, смотрел на него с любовью и тут же соглашался, если возражения автора были основательны»^{*}.

^{*} Владимир Лакшин. «Новый мир» во времена Хрущёва: Дневник и попутное. 1953—1964. М., 1991. С. 66—67.

^{*} Континент. М.; Париж, 1993. № 75. С. 162.

Об этом же обсуждении написал и А. С.:

«Главное, чего требовал Лебедев, — убрать все те места, в которых кавторанг представлялся фигурой комической (по мерке Ивана Денисовича), как и был он задуман, и подчеркнуть партийность кавторанга (надо же иметь “положительного героя”!). Это казалось мне наименьшей из жертв. Убрал я комическое, осталось как будто “героическое”, но “недостаточно раскрытое”, как находили потом критики. Немного вздут оказывался теперь протест кавторанга на разводе (замысел был — что протест смешон), однако картины лагеря это, пожалуй, не нарушало. Потом надо было реже употреблять к конвойным слово “попки”, снизил я с семи до трёх; пореже — “гад” и “гады” о начальстве (было у меня густовато); и чтоб хоть не автор, но кавторанг осудил бы бандеровцев (придал я такую фразу кавторангу, однако в отдельном издании потом выкинул: кавторангу она была естественна, но *их*-то слишком густо поносили и без того). Ещё — присочинить эзкам какую-нибудь надежду на свободу (но этого я сделать не мог). И, самое смешное для меня, ненавистника Сталина, — хоть один раз требовалось назвать Сталина как виновника бедствий. (И действительно — он ни разу никем не был в рассказе упомянут! Это не случайно, конечно, у меня вышло: мне виделся советский режим, а не Сталин один.) Я сделал эту уступку: помянул “батьку усатого” один раз...»*

15 сентября Лебедев по телефону передал Твардовскому, что «Солженицын (“Один день”) одобрен Н<икитой> С<ергееви>чем»** и что в ближайшие дни шеф пригласит его для разговора. Однако и сам Хрущёв счёл нужным заручиться поддержкой партийной верхушки. Решение о публикации «Одного дня Ивана Денисовича» принято 12 октября 1962 г. на заседании Президиума ЦК КПСС под давлением Хрущёва. И только 20 октября он принял Твардовского, чтобы сообщить о благоприятном результате его хлопот. О самом рассказе Хрущёв заметил: «Да, материал необычный, но, я скажу, и стиль, и язык необычный — не вдруг пошло. Что ж, я считаю, вещь сильная, очень. И она не вызывает, несмотря на такой материал, чувства тяжёлого, хотя там много горечи»***.

Прочитав «Один день Ивана Денисовича» ещё до публикации, в машинописи, Анна Ахматова, описавшая в «Реквиеме» горе «стомиллионного народа» по сю сторону тюремных затворов, с нажимом выговорила: «Эту повесть о-бя-зан прочи-тать и выучить наизусть — *каждый гражданин* изо всех двухсот миллионов граждан Советского Союза»****.

Рассказ, для весомости названный редакцией в подзаголовке повестью, опубликован в журнале «Новый мир» (1962. № 11. С. 8—74; подпisan в печать 3 ноября; сигнальный экземпляр доставлен главному ре-

* Бодался телёнок с дубом. С. 41.

** А. Твардовский. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2000. № 7. С. 129.

*** Там же. С. 135.

**** Лидия Чуковская. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М., 1997. Т. 2. С. 512.

дактору вечером 15 ноября; по свидетельству Владимира Лакшина, рассылка начата 17 ноября; вечером 19 ноября около 2000 экз. завезены в Кремль для участников пленума ЦК с заметкой А. Твардовского «Вместо предисловия». Тираж 96 900 экз. (по разрешению ЦК КПСС 25 000 были отпечатаны дополнительно). Переиздан в «Роман-газете» (М.: ГИХЛ, 1963. № 1/277. 47 с. 700 000 экз.) и книгой (М.: Советский писатель, 1963. 144 с. 100 000 экз.). 11 июня 1963 г. Владимир Лакшин записал: «Солженицын подарил мне выпущенный “Советским писателем” на скорую руку “Один день...”. Издание действительно позорное: мрачная, бесцветная обложка, серая бумага. Александр Исаевич шутит: “Выпустили “в издании ГУЛАГа”»*.

«Для того чтобы её (повесть. — В. Р.) напечатать в Советском Союзе, нужно было стечение невероятных обстоятельств и исключительных личностей, — отметил А. С. в радиointerview к 20-летию выхода “Одного дня Ивана Денисовича” для Би-би-си (8 июня 1982 г.). — Совершенно ясно: если бы не было Твардовского как главного редактора журнала — нет, повесть эта не была бы напечатана. Но я добавлю. И если бы не было Хрущёва в тот момент — тоже не была бы напечатана. Больше: если бы Хрущёв именно в этот момент не атаковал Сталина ещё один раз — тоже бы не была напечатана. Напечатание моей повести в Советском Союзе, в 62-м году, подобно явлению против физических законов, как если б, например, предметы стали сами подниматься от земли кверху или холодные камни стали бы сами нагреваться, накаляться до огня. Это невозможно, это совершенно невозможно. Система была так устроена, и за 45 лет она не выпустила ничего — и вдруг вот такой прорыв. Да, и Твардовский, и Хрущёв, и момент — все должны были собраться вместе. Конечно. Я мог потом отослать за границу и напечатать, но теперь, по реакции западных социалистов, видно: если б её напечатали на Западе, да эти самые социалисты говорили бы: всё ложь, ничего этого не было, и никаких лагерей не было, и никаких уничтожений не было, ничего не было. Только потому у всех отнялись языки, что это напечатано с разрешения ЦК в Москве, вот это потрясло»**.

«Не случись это (подача рукописи в “Новый мир” и публикация на родине. — В. Р.) — случилось бы другое, и худшее, — записал А. С. пятнадцатью годами ранее, — я послал бы фотоплёнку с лагерными вещами — за границу, под псевдонимом Степан Хлынов, как она уже и была заготовлена. Я не знал, что в самом удачном варианте, если на Западе это будет и опубликовано и замечено, — не могло бы произойти и сотой доли того влияния»***.

На журнальную публикацию «Одного дня Ивана Денисовича» тотчас с восторгом откликнулась центральная пресса: Константин Симо-

* В. Лакшин. «Новый мир» во времена Хрущёва. С. 133.

** Публицистика. Т. 3. С. 24—25.

*** Бодался телёнок с дубом. С. 21—22.

нов. О прошлом во имя будущего («Известия», 17 ноября); Григорий Ба-кланов. Чтоб это никогда не повторилось («Литературная газета», 22 ноября); В. Ермилов. Во имя правды, во имя жизни («Правда», 23 ноября); Ал. Дымшиц. Жив человек («Литература и жизнь», 28 ноября) и др. Однако и неприятие рассказа сразу же было публично обозначено, в частности в аллегорическом стихотворении Николая Грибачёва «Метеорит» («Известия», 30 ноября).

Характерна запись в дневнике К. И. Чуковского (24 ноября 1962 г.): «Сейчас вышел на улицу платить (колоссальные) деньги за дачу — и встретил Катаева. Он возмущён повестью “Один день”, которая напечатана в “Новом Мире”. К моему изумлению, он сказал: повесть фальшивая: в ней не показан протест. — Какой протест? — Протест крестьянина, сидящего в лагере. — Но ведь в этом же вся правда повести: палачи создали такие условия, что люди утратили малейшее понятие справедливости и под угрозой смерти не смеют и думать о том, что на свете есть совесть, честь, человечность. Человек соглашается считать себя шпионом, чтобы следователи не били его. В этом вся суть замечательной повести — а Катаев говорит: как он смел не протестовать хотя бы под одеялом. А много ли протестовал сам Катаев во время сталинского режима? Он слагал рабьи гимны, как и все»*.

Тогда же, в ноябре 1962 г. (после 23-го), под свежим впечатлением от «Одного дня Ивана Денисовича» Варлам Шаламов писал автору:

«Я две ночи не спал — читал повесть, перечитывал, вспоминал...

Повесть — как стихи — в ней всё совершенно, всё целесообразно. Каждая строка, каждая сцена, каждая характеристика настолько лаконична, умна, тонка и глубока, что я думаю, что “Новый мир” с самого начала своего существования ничего столь цельного, столь сильного не печатал. И столь нужного — ибо без честного решения этих самых вопросов ни литература, ни общественная жизнь не могут идти вперёд — всё, что идёт с недомолвками, в обход, в обман — приносило, приносит и принесёт только вред. <...>

Повесть эта очень умна, очень талантлива. Это — лагерь с точки зрения лагерного “работяги” — который знает мастерство, умеет “заработать”, работяги, не Цезаря Марковича и не кавторанга. Это — не “допывающий” интеллигент, а испытанный великой пробой крестьянин, выдержавший эту пробу и рассказывающий теперь с юмором о прошлом.

В повести всё достоверно. Это лагерь “лёгкий”, не совсем настоящий. Настоящий лагерь в повести тоже показан и показан очень хорошо: этот страшный лагерь — Ижма Шухова — пробивается в повести, как белый пар сквозь щели холодного барака. Это тот лагерь, где работяг на лесоповале держали днём и ночью, где Шухов потерял зубы от цинги, где блатари отнимали пищу, где были вши, голод, где по всякой причине заводили дело. Скажи, что спички на воле подорожали, и заводят дело. Где на конце добавляли срока, пока не выдадут “весом”,

* К. Чуковский. Дневник. 1930—1969. М., 1994. С. 329.

“сухим пайком” в семь граммов. Где было в тысячу раз страшнее, чем на каторге, где “номера не весят”. На каторге, в Особлаге, который много слабее настоящего лагеря. В обслуге здесь в <ольно>/н<аёмные> надзиратели (надзиратель на Ижме — бог, а не такое голодное создание, у которого моет пол на вахте Шухов). <...> В каторжном лагере, где сидит Шухов, у него есть ложка, ложка для настоящего лагеря — лишний инструмент. И суп, и каша такой консистенции, что можно выпить через борт, около санчасти ходит кот — невероятно для настоящего лагеря — кот давно бы съели. Это грозное, страшное былое Вам удалось показать, и показать очень сильно, сквозь эти вспышки памяти Шухова, воспоминания об Ижме. Школа Ижмы — это и есть та школа, где и выучился Шухов, случайно оставшийся в живых. Всё это в повести кричит полным голосом, для моего уха, по крайней мере. Есть ещё одно крупнейшее достоинство — это глубоко и очень тонко показанная крестьянская психология Шухова. Столь тонкая высокохудожественная работа мне ещё не встречалась, признаться, давно. Крестьянин, который сказывается во всём — и в интересе к “кра-силям”, и в любознательности, и природном цепком уме, и умении выжить, наблюдательности, осторожности, осмотрительности, чуть скептическом отношении к разнообразным Цезарям Марковичам, да и всевозможной власти, которую приходится уважать, умная независимость, умное покорство судьбе и умение приспособиться к обстоятельствам, и недоверие — всё это черты народа, людей деревни. Шухов гордится собой, что он — крестьянин, что он выжил, сумел выжить и умеет и поднести сухие валенки богатому бригаднику, и умеет “заработать”. <...>

Великолепно показано то смещение масштабов, которое есть у всякого старого арестанта, есть и у Шухова. Это смещение масштабов касается не только пищи (ощущение), когда глотает кружок колбасы — высшее блаженство, а и более глубоких вещей: и с Кильдигсом ему было интереснее говорить, чем с женой и т. д. Это — глубоко верно. Это — одна из важнейших лагерных проблем. Поэтому для возвращения нужен “амортизатор” не менее двух-трёх лет. Очень тонко и мягко о посылке, которую всё-таки ждёшь, хотя и написал, чтоб не посылали. Выживу — так выживу, а нет — не спасёшь и посылками. Так и я писал, так и я думал перед сплоским посылком.

Вообще детали, подробности быта, поведение всех героев очень точны и очень новы, обжигающе новы. Стоит вспомнить только невыжатую тряпку, которую бросает Шухов за печку после мытья полов. Таких подробностей в повести — сотни — других, не новых, не точных, во-все нет.

Вам удалось найти исключительно сильную форму. Дело в том, что лагерный быт, лагерный язык, лагерные мысли не мыслимы без матерщины, без ругани самым последним словом. В других случаях это может быть преувеличением, но в лагерном языке — это характерная черта быта, без которой решать этот вопрос успешно (а тем более образцово)

нельзя. Вы его решили. Все эти “фуяслице”, “...яди”, всё это уместно, точно и — необходимо. Понятно, что и всякие “падлы” занимают полноправное место и без них не обойтись. Эти “паскуды”, между прочим, тоже от блатарей, от Ижмы, от общего лагеря.

Необычайно правдивой фигурой в повести, авторской удачей, не уступающей главному герою, я считаю Алёшку, сектанта, и вот почему. За двадцать лет, что я провёл в лагерях и около них, я пришёл к твёрдому выводу — сумма многолетних, многочисленных наблюдений, — что если в лагере и были люди, которые несмотря на все ужасы, голод, побои и холод, непосильную работу сохранили и сохраняли неизменно человеческие черты — это сектанты и вообще религиозники, включая и православных попов. Конечно, были отдельные хорошие люди и из других “групп населения”, но это были только одиночки, да и, пожалуй, до случая, пока не было слишком тяжело. Сектанты же всегда оставались людьми.

В Вашем лагере хорошие люди — эстонцы. Правда, они ещё горя не видели — у них есть табак, еда. Голодать всей Прибалтике приходилось больше, чем русским — там всё народ крупный, рослый, а паёк ведь одинаковый, хотя лошадям дают паёк в зависимости от веса. “Доходили” всегда и везде латыши, литовцы, эстонцы раньше из-за рослости своей, да ещё потому, что деревенский быт Прибалтики немного другой, чем наш. Разрыв между лагерным бытом больше. Были такие философы, которые смеялись над этим, дескать, не выдерживает Прибалтика против русского человека — эта мерзость встречается всегда.

Очень хорош бригадир, очень верен. <...> Таких бригадиров, как изображённый Вами, очень много, и вылеплен он очень хорошо. Опять же, в каждой детали, в каждой подробности его поведения. И исповедь его превосходна. Она и логична. Такие люди, отвечая на какой-то внутренний зов, неожиданно выговариваются сразу. И то, что он помогает тем немногим людям, кто ему помог, и то, что радуется смерти врагов — всё верно. <...>

Тонко и верно показано увлечение работой Шухова и других бригадников, когда они кладут стену. Бригадиру и помбригадиру размяться — в охотку. Для них это ничего не стоит. Но и остальные увлекаются в горячей работе — всегда увлекаются. Это верно. Значит, что работа ещё не выбила из них последние силы. Это увлечение работой несколько сродни тому чувству азарта, когда две голодных колонны обгоняют друг друга. Эта детскость души, сказывающаяся и в рёве оскорблений по адресу опоздавшего молдавана (чувство, которое и Шухов разделяет всецело), всё это очень точно, очень верно. Возможно, что такого рода увлечение работой и спасает людей. <...>

Повесть эта для внимательного читателя — откровение в каждой её фразе. Это первое, конечно, в нашей литературе произведение, обладающее и смелостью, и художественной правдой, и правдой пережитого, перечувствованного — первое слово о том, о чём все говорят, но ещё никто ничего не написал. <...>

Вся Ваша повесть — это та долгожданная правда, без которой не может литература наша двигаться вперёд»*.

С публикацией «Одного дня Ивана Денисовича» связано возвращение автора к работе над «Архипелагом ГУЛАГом». «Я ещё до “Ивана Денисовича” задумал “Архипелаг”, — рассказал А. С. в телеинтервью компании CBS (17 июня 1974 г.), которое вёл Уолтер Кронкайт, — я чувствовал, что нужна такая систематическая вещь, общий план всего того, что было, и во времени, как это произошло. Но моего личного опыта и опыта моих товарищей, сколько я ни расспрашивал о лагерях, все судьбы, все эпизоды, все истории, — было мало для такой вещи. А когда напечатался “Иван Денисович”, то со всей России как взорвались письма ко мне, и в письмах люди писали, что они пережили, что у кого было. Или настаивали встретиться со мной и рассказать, и я стал встречаться. Все просили меня, автора первой лагерной повести, писать ещё, ещё, описать весь этот лагерный мир. Они не знали моего замысла и не знали, сколько у меня уже написано, но несли и несли мне недостающий материал**». «И так я собрал неописанный материал, который в Советском Союзе и собрать нельзя, — только благодаря “Ивану Денисовичу”, — подытожил А. С. в радиоинтервью для Би-би-си 8 июня 1982 г. — Так что он стал как пьедесталом для “Архипелага ГУЛАГа”***.

В декабре 1963 г. «Один день Ивана Денисовича» был выдвинут на Ленинскую премию редколлегией «Нового мира» и Центральным государственным архивом литературы и искусства. По сообщению «Правды» (19 февраля 1964 г.), отобран «для дальнейшего обсуждения». Затем включён в список для тайного голосования. Премию не получил. Лауреатами в области литературы, журналистики и публицистики стали Олесь Гончар за роман «Тронка» и Василий Песков за книгу «Шаги по росе» («Правда», 22 апреля 1964 г.). «Уже тогда, в апреле 1964, в Москве поговаривали, что эта история с голосованием была “репетицией путча” против Никиты: удастся или не удастся аппарату отвести книгу, одобренную Самим? За 40 лет на это никогда не смелели. Но вот осмелели — и удалось. Это обнадеживало их, что и Сам-то не крепок»****.

Со второй половины 60-х «Один день Ивана Денисовича» изымался из обращения в СССР вместе с другими публикациями А. С. Окончательный запрет на них введён распоряжением Главного управления по охране государственных тайн в печати, согласованным с ЦК КПСС, от 28 января 1974 г. В специально посвящённом А. С. приказе Главлита № 10 от

* Варлам Шаламов. Новая книга: Воспоминания; Записные книжки; Переписка; Следственные дела. М., 2004. С. 641, 642—644, 645, 646, 647, 651.

** Публицистика. Т. 2. С. 98.

*** Там же. Т. 3. С. 28.

**** Бодался телёнок с дубом. С. 92—93.

14 февраля 1974 г. перечислены подлежащие изъятию из библиотек общественного пользования номера журнала «Новый мир» с произведениями писателя (№ 11, 1962; № 1, 7, 1963; № 1, 1966) и отдельные издания «Одного дня Ивана Денисовича», включая перевод на эстонский язык и книгу «для слепых». Приказ снабжён примечанием: «Изъятию подлежат также иностранные издания (в том числе газеты и журналы) с произведениями указанного автора»*. Запрет снят запиской Идеологического отдела ЦК КПСС от 31 декабря 1988 г.

С 1990 г. «Один день Ивана Денисовича» снова издаётся на родине.

В 1971 г. по «Одному дню Ивана Денисовича» снят англо-норвежский фильм (режиссёр Каспер Вреде, в роли Шухова Том Кортни). Впервые А. С. смог посмотреть его только в 1974 г. Выступая по французскому телевидению (9 марта 1976 г.), на вопрос ведущего об этом фильме ответил:

«Я должен сказать, что режиссёры и актёры этого фильма подошли очень честно к задаче, и с большим проникновением, они ведь сами не испытывали этого, не пережили, но смогли угадать это щемящее настроение и смогли передать этот замедленный темп, который наполняет жизнь такого заключённого 10 лет, иногда 25, если, как часто бывает, он не умрёт раньше. Ну, совсем небольшие упреки можно сделать оформлению, это большей частью там, где западное воображение просто уже не может представить деталей такой жизни. Например, для нашего глаза, для моего или если бы мои друзья могли это видеть, бывшие ээки (увидят ли они когда-нибудь этот фильм?), — для нашего глаза телегрейки слишком чистые, не рваные; потом, почти все актёры, в общем, плотные мужчины, а ведь там в лагере люди на самой грани смерти, у них вваленные щёки, сил уже нет. По фильму, в бараке так тепло, что вот сидит там латыш с голыми ногами, руками, — это невозможно, замёрзнешь. Ну, это мелкие замечания, а в общем я, надо сказать, удивляюсь, как авторы фильма могли так понять и искренней душой попробовали передать западному зрителю наши страдания»**.

День, описанный в рассказе, приходится на январь 1951 г.

С. 15. ...Шухов... — «Много бывало заключённых вокруг меня, я мог вспомнить многие десятки людей, которых я хорошо очень знал, и сотни, — говорил А. С. в телеинтервью с Никитой Струве (март 1976 г.). — Вдруг, почему-то, стал тип Ивана Денисовича складываться неожиданным образом. Начиная с фамилии — Шухов, — влезла в меня без всякого выбора, я не выбирал её, а это была фамилия одного моего солдата в батарее, во время войны. Потом вместе с этой фамилией его лицо, и немножко его реальности, из какой он местности, каким язы-

* Арлен Блум. Запрещённые книги русских писателей и литературоведов. 1917—1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2003. С. 168.

** Публицистика. Т. 2. С. 383—384.

ком он говорил. Вдруг, почему-то, вот этот рядовой солдат батареи советско-германской войны вдруг стал идти в повесть, хотя он не был заключённым. Ну конечно, он был таким же рядовым, только в других условиях. <...> Это был очень милый, славный вот такой пожилой солдат. Но я никогда не думал, что буду о нём писать. И вдруг он сюда полез сам, а его лагерная биография и его лагерное поведение — это уже было не его, а собирательное от многих заключённых. Впрочем, и там есть автобиографичность, конечно: я не мог бы его описать так, если бы не был сам простым каменщиком в лагере. Смысл понимания работы самой — его трудно набраться от другого понаслышке. Я пишу крестьянина, с его крестьянской хваткой, и хваткой зэка, однако что-то такое от собственного опыта обязательно вкладывается, оно вкладывается в кого угодно»*.

В рассказе «Желябутские Выселки» (1998) сослуживец автора — Шухов упоминается дважды: «Сметливый Шухов (в ефрейторы мы его повысили, вместо сержанта раненого) повёл своих на второй (звукопост. — В. Р.)» (с. 447); «Со второго поста Шухов докладывает, чуть пришепачивая: дошли!» (с. 451). Бой, описанный в «Желябутских Выселках», происходит в середине июля 1943 г. А в «Одном дне Ивана Денисовича» с 1942 г. литературный персонаж Шухов уже отбывает десятилетний лагерный срок.

В заметке «Литературное чудо» — отзыве на рукопись «Одного дня Ивана Денисовича» Корней Чуковский написал (между 9 и 13 апреля 1962 г.):

«Шухов — обобщённый характер русского простого человека: жизненной стойкий, “злоупорный”, выносливый, мастер на все руки, лукавый — и добрый. Родной брат Василия Тёркина. Хотя о нём говорится здесь в третьем лице, весь рассказ написан ЕГО языком, полным юмора, колоритным и метким»**.

С. 17. *В продстоле передёрнули, гады: было девятисоток четыре, а стало три только. Кому ж недодать?* — Хлебная пайка выдавалась зэку в два приёма: утром и вечером. Утром пятьсот пятьдесят граммов (с. 27) и вечером — по работе — от двухсот до четырёхсот граммов (с. 97). За день выходит от семисот пятидесяти до девятисот пятидесяти граммов. Но девятисотки лимитированы. И в соседней бригаде их на одну уменьшили. Значит, у кого-то двести граммов отрежут.

— *Ще-восемьсот пятьдесят четыре!* (См. далее: Б-219, Б-502, Б-731, К-460, Х-123, Х-920, Ш-208, Ш-311, Ю-48, Ю-81.) — Сочетание чётко различающихся и удобных для произнесения букв (обычно из двадцати восьми) с цифрами от единицы до тысячи в каторжных номе-

* Публицистика. Т. 2. С. 426—427.

** Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 768.

рах даёт представление о количестве заключённых в Особом лагере, где сидит Иван Денисович Шухов.

О себе А. С. говорит: «Весь Экибастуз я проходил с номером ШЦ-232, в последние же месяцы приказали мне сменить на ШЦ-262. Эти номера я и вывез тайно из Экибастуза, храню и сейчас»*.

Одно из писем (от В. Л. Гинзбурга), полученных автором после публикации рассказа, начиналось так: «Дорогой Александр Исаевич! Разрешите представиться по формуляру: № Ы-389, Озёрлаг, начало срока — 1949 г., выбыл по реабилитации 22 мая 1956 г.». А. С. ответил: «Письмо Ваше уникально для меня Вашим номером: Ы. Если бы я знал, что такая буква существовала, то Иван Денисович был бы, разумеется, Ы-854. Но, вы, слишком поздно...»**

С. 18. *Скрипя валенками по снегу, быстро пробежали ээки...* — «Два слова о самом термине *ээки*. До 1934 года официальный термин был *лишённые свободы*. Сокращалось это “л/с”, и осмысливали ли туземцы себя по этим буквочкам как “элэсов” — свидетельств не сохранилось. Но с 1934 года термин сменили на “заключённые” (вспомним, что Архипелаг уже начинал каменеть и даже официальный язык приспособлялся, он не мог вынести, чтобы в определении туземцев было больше *свободы*, чем тюрьмы). Сокращённо стали писать: для единственного числа “з/к” (зэ-ка), для множественного — “з/к з/к” (зэ-ка зэ-ка). Это и произносилось опекунами туземцев очень часто, всеми слышалось, все привыкали. Однако казённо рождённое слово не могло склоняться не только по падежам, но даже и по числам, оно было достойным дитём мёртвой и безграмотной эпохи. Живое ухо смыслённых туземцев не могло с этим мириться, и, посмеиваясь, на разных островах, в разных местностях стали его по-разному к себе переименовывать: в одних местах говорили “Захар Кузьмич”, или (Норильск) “заполярные комсомольцы”, в других (Карелия) больше “зак” (это верней всего этимологически), в иных (Инта) — “зык”. Мне приходилось слышать “зэк”. Во всех этих случаях оживлённое слово начинало склоняться по падежам и числам. (А на Колыме, настаивает Шаламов, так и держалось в разговоре “зэ-ка”. Остаётся пожалеть, что у колымчан от морозов окостенело ухо.) Пишем же мы это слово через “э”, а не через “е” потому, что иначе нельзя обеспечить твёрдого произношения звука “з”***.

С. 20. *...хоть карточки давно кончились...* — Продуктовые и промтоварные карточки, которые очередной раз вводились в основ-

* Александр Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956: Опыт художественного исследования. Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. М., 2000. С. 61. В настоящем издании т. 6.

** Н. Решетовская. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 94.

*** Архипелаг ГУЛАГ... Т. 5. С. 476—477. В настоящем издании т. 5.

ном с июля по октябрь 1941 г., были отменены постановлением Совета Министров и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г.

...ЧТЗ (из резины обутка, след автомобильный). — От названия тракторов Челябинского тракторного завода, который специализировался на выпуске мощных гусеничных машин. По той же гусеничной ассоциации в 80-х возникло слово «луноходы» для обозначения несуразно громоздких зимних сапог и ботинок. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (М., 1992) определяет «ЧТЗ» как «рабочие ботинки на толстой резиновой подошве» (с. 283). Однако, по А. С., обувь ээков, в частности «ЧТЗ», выглядит совершенно иначе: «А на ногах — испытанные русские лапти, только онучей хороших к ним нет. Или кусок автопокрышки, привязанный прямо к босой ноге проволокой, электрическим шнуром. (У горя и догадки...) Если этот кусок покрышки схвачен проволочками в лодочную обутку — то вот и знаменитое “ЧТЗ” (Челябинский тракторный завод)»*.

С. 21. *...в Усть-Ижме...* — Усть-Ижма — лагерь при впадении Ижмы в Печору (Коми АССР), менее чем в полтора километра от Северного полярного круга. Шухов не раз ещё вспомнит этот лагерь. Да и Тюрин укажет на него: «...одну из тех девочек я потом на Печоре отблагодарил...» (с. 64).

Бендеровец... — Правильно: бандеровец — от фамилии Степана Андреевича Бандеры (1908—1959), руководителя ОУН (Организации украинских националистов) с 1940 г., узника концлагеря Заксенхаузен в 1941—1944 гг.

С. 22. *В летошнем году...* — Буквально: в прошлом году. Здесь: прошлый раз. Из января 1951 г. так по привычке говорится о позапрошлом годе.

С. 24. *А в дежурке сидел фельдшер — молодой парень Коля Вдовушкин, за чистым столиком, в свеженьком белом халате — и что-то писал.* — Из письма Н. М. Боровкова (Астрахань), послужившего прообразом Коли Вдовушкина, автору рассказа: «Взволнованно, не отрываясь прочитал я “Один день Ивана Денисовича”. Как всё верно, правдиво! Я тоже был в Экибастузе, помню Вас, Александр. Буйновский — это Бурковский, Цезарь — Гроссман; и другие — все ожили в памяти. Сейчас кончаю мединститут. Хочу быть психиатром. И стихи иногда пишу, люблю поэзию. Узнал себя в Николае Вдовушкине, описанном Вами. Ещё раз спасибо за “увековечивание того времени”**».

«А сейчас стали возникать люди, узнавшие себя в повести, — рассказывал А. С. — Лакшину. — Кавторанг Буйновский — это Бурковский, он служит в Ленинграде. Начальник Особлага, описанного в “Иване Де-

* Там же. С. 191.

** Н. Решетовская. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 103.

нисовиче”, работает сторожем в “Гастрономе”. Жалуется, что его обижают, приходит к своим бывшим зэкам с четвертинкой — поговорить о жизни*.

«Заходил в редакцию Лёва Гроссман, — записал в дневнике Лакшин 28 августа 1964 г. — Хочет снимать документальный фильм о Твардовском, мечтает о кадрах, где он запечатлел бы его с Солженицыным». И дальше: «Как жаль, что Лёве Гроссману (Цезарю Марковичу у Солженицына) не удалось осуществить свой замысел — снять Твардовского в редакции**». А ещё 3 августа в дневник занесено: «Лёва Гроссман, кинорежиссёр, изображённый в “Иване Денисовиче”, — единственный, кто, вопреки опасениям Солженицына, не обижен на него***». 4 февраля 1964 г. автор рассказа писал Лакшину: «И хотя перед прототипом Цезаря мне по-человечески несколько неловко, но что делать? Amicus Plato...»****

Прототипу кавторанга Буйновского, Борису Васильевичу Бурковскому, в то время начальнику филиала Центрального военно-морского музея на крейсере «Аврора», была посвящена статья В. Паллона «Здравствуйте, кавторанг» («Известия», 14 января 1964 г.). «Я спрашиваю Бурковского о персонажах повести “Один день Ивана Денисовича”, — пишет автор статьи. — Он говорит о том, что некоторые, как, например, бригадир Тюрин, сам он, Буйновский-Бурковский, кинорежиссёр Цезарь Маркович, баптист Алёша, дневальный лагерной столовой, очень напоминают конкретных людей. Другие — в меньшей степени. Заключение, который послужил прототипом Ивана Денисовича, капитан второго ранга не помнит. Должно быть, потому что подобных было много, говорит он. В общем все персонажи повести в той или иной степени — типы собирательные.

— Около четырёх лет я прожил в одном бараке с Солженицыным. Это был хороший товарищ, честный человек. Он был молчалив, не ввязывался в шумные разговоры. Мне запомнилось, что он часто, лёжа на нарах, читал затрёпанный том словаря Даля и записывал что-то в большую тетрадь».

С. 25. *И даже мыши не скребли — всех их повыловил больничный кот, на то поставленный.* — «По мерке многих тяжких лагерей, — отмечает А. С., — справедливо упрекнул меня Шаламов: “и что ещё за больничный кот ходит там у вас? Почему его до сих пор не резали и не съели?.. И зачем Иван Денисович носит у вас л о ж к у, когда известно, что всё, варимое в лагере, легко съедается жидким ч е р е з б о р т и к”?»*****. А вот, судя по «Запискам из Мёртвого дома», в ка-

* В. Лакшин. «Новый мир» во времена Хрущева. С. 91.

** Там же. С. 249.

*** Там же. С. 244.

**** Там же. С. 192.

***** Архипелаг ГУЛАГ... Т. 5. С. 189.

торжном остроге, где сидел Ф. М. Достоевский, «ходили гуся (!!) — и арестанты не сворачивали им голов»*.

...Шухов вспомнил медсанбат на реке Ловать... — На Ловати во-евал и разведывательный ардивизион А. С. Ловать упоминается в рассказе «Желябутские Выселки»: «На Северо-Западном, в последний час перед ледоходом на Ловати <...>» (с. 453). На страницах романа «В круге первом» об этих местах заходит речь у автобиографического персонажа Глеба Нержина и его товарища Льва Рубина (Льва Копелева). Начинает Рубин:

«— <...> Ты на Северо-Западном помнишь вот здесь за Ловатью, если от Рахлиц на Ново-Свиногово, поюжной Подцепочья — лес?

— Там много лесов. По тот бок Редьи или по этот?

— По этот.

— Ну, знаю**.

Ловать упоминается также в поэме «Дороженька» (1948—1953)***.

С. 28. *«Только бы не пострадал кто из вас как убийца, или как вор, или злодей, или как посягающий на чужое. А если как христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь».* — Первое соборное послание святого апостола Петра, 4: 15.

С. 31. *Волкового не то что зэки и не то что надзиратели — сам начальник лагеря, говорят, боится. Вот Бог шельму метит, фамильцу дал! — иначе, как волк, Волковой не смотрит. Тёмный, да длинный, да насупленный — и носится быстро.* — Говорящей фамилией А. С. награждает начальника режима, закрепляя своё наблюдение над фамилиями гебистов: «Вот их фамилии — как будто по фамилиям их на работу берут! Например, в кемеровском ОблГБ в начале 50-х годов: прокурор Трутнев, начальник следственного отдела майор Шкуркин, его заместитель подполковник Баландин, у них следователь Скорохватов. Ведь не придумаешь! Это сразу все вместе! (О Волкопялове и Грабищенке уж я не повторяю.) Совсем ли ничего не отражается в людских фамилиях и таком сгущении их?»**** Сюда можно добавить прокурора Криво-ву. «...Да кто им фамилии выбирает!» — восклицает писатель*****.

С. 41. *...когда Советы уставились...* — Тогда это были лишь два коротких эпизода. Советскую власть объявили в Таллине 26 октября 1917 г., на следующий день после переворота в Петрограде, и продержалась она до февраля 1918 г., когда в Эстонию вошли германские войска.

* Там же.

** Собр. соч. Т. 2. С. 43. В настоящем издании т. 2.

*** Александр Солженицын. Протеревши глаза. М., 1999. С. 134. В настоящем издании т. 18.

**** Архипелаг ГУЛАГ... Т. 4. М., 1999. С. 160. В настоящем издании т. 4.

***** Там же. Т. 6. С. 558.

Затем 29 ноября 1918 г. Нарву заняли части Красной Армии, и тем же днём датируется создание Эстляндской трудовой коммуны. Однако к февралю Красную Армию выбили из Эстонии, и 19 мая 1919 г. Учредительное собрание провозгласило независимую Эстонскую республику, которая просуществовала до 1940 г.

С. 48. *На двести граммах Беломорканал построен.* — Беломорско-Балтийский канал длиной 227 км, соединивший Белое море с Онежским озером, эски строили 20 месяцев — с сентября 1931 по апрель 1933 г. Об этой стройке А. С. рассказывает в «Архипелаге ГУЛАГе» (часть 3-я, глава «Архипелаг даёт метастазы»).

В январе солнышко коровке бок согрело! — По Далю, так говорят про первовесенье.

С. 50. — *Всем дедам известно: всего выше солнце в обед стоит.* — *То — дедам! — трубил кавторанг.* — *А с тех пор декрет был, и солнце выше всего в час стоит.* — Декретом Совета Народных Комиссаров от 16 июня 1930 г. на территории СССР часовая стрелка была переведена на час вперёд.

С. 53. *Тут — жить можно. Особый — и пусть он особый, номера тебе мешают, что ль? Они не весят, номера.* — Отметив, что в Особлаге почти прекращалась связь с волей, что зэк не мог иметь ни денег, ни смены обуви или одежды, ни каких-либо продуктов в тумбочке, ни чернил или карандашей, ни чистой бумаги, ни книг, а плановые обыски барачников сочетались с повальными личными обысками, А. С. заключает: «Всё это вспомнив, пожалуй, не удивись, что ношение номеров было далеко не самым чувствительным или язвительным способом унижить достоинство арестанта. Когда Иван Денисович говорит, что «они не весят, номера», это вовсе не потеря чувства достоинства (как упрекали гордые критики, сами номеров не носившие, да ведь и не голодавшие), — это просто здравый смысл. Досада, причиняемая нам номерами, была не психологическая, не моральная (как рассчитывали хозяева ГУЛАГа), — а практическая досада, что под страхом карцера надо было тратить досуг на пришивку отпоровшегося края, подновлять цифры у художников, а изодравшиеся при работе тряпки — целиком менять, изыскивать где-то новые лоскуты»*.

С. 60. *«Иоанн Грозный» — разве это не гениально? Пляска опричников с личиной! Сцена в соборе!* — Любопытно, что именно эти эпизоды, выделенные Цезарем, вызвали резкое осуждение в беседе И. В. Сталина, А. А. Жданова и В. М. Молотова с С. М. Эйзенштейном и Н. К. Черкасовым по поводу фильма «Иван Грозный» 26 февраля 1947 г. (запись Эйзенштейна и Черкасова):

* Архипелаг ГУЛАГ... С. 70.

«Жданов говорит, что «сцена в соборе, где происходит «пещное действо», слишком широко показана и отвлекает внимание».

Сталин говорит, что опричники во время пляски похожи на каннибалов и напоминают каких-то финикийцев и каких-то вавилонцев»*.

Первая серия фильма «Иван Грозный» завершена в 1945 г., сразу выпущена в прокат и в 1946 г. отмечена Сталинской премией. Вторая серия, завершённая в том же 1945 г., вышла на экран только в 1958 г.

Так не говорите, что гений! Скажите, что подхалим, заказ собачий выполнял. Гении не подгоняют трактовку под вкус тиранов! — Ср. с запиской Сталина председателю Комитета по делам кинематографии при СНК СССР И. Г. Большакову по поводу сценария кинофильма «Иван Грозный» (13 сентября 1943 г.):

«Сценарий получился не плохой. Т. Эйзенштейн справился с задачей. Иван Грозный, как прогрессивная сила своего времени, и опричника, как его целесообразный инструмент, вышли не плохо.

Следовало бы поскорее пустить в дело сценарий»**.

С. 63. *Перекрестился я и говорю: «Всё ж Ты есть, Создатель, на небе. Долго терпешь, да больно бьёшь».* — Когда автор был вызван читать корректуру, ему передали просьбу помощника Хрущёва — Лебедева: выпустить из рассказа эти слова Тюрина. «Досмотрелись... — написал А. С. — Досмотрелись, но поздно, до этого главного места в повести, где я им опрокинул и вывернул всю легенду о гибели руководящих в 37-м году! Склоняли меня в редакции: ведь Лебедев так был сочувственен! ведь это он пробил и устроил! надо ему теперь уступить. И правильно, и я бы уступил, если б это — за свой счёт или за счёт литературный. Но тут предлагали уступить за счёт Бога и за счёт мужика, а этого я обещался никогда не делать. И всё ещё неизвестному мне мифическому благодетелю — отказал.

И такова была инерция уже сдвинутого и покотившегося камня, что сам советник Хрущёва ничего не мог исправить и остановить!»***

С. 64. *...в кировском потоке...* — В числе ленинградцев, репрессированных после убийства С. М. Кирова (1 декабря 1934 г.). «Считается, что четверть Ленинграда была расчищена в 1934—35»****.

С. 69. *Шухов и другие каменщики перестали чувствовать мороз. От быстрой захватчивой работы прошёл по ним сперва пер-*

* Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б) — ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917—1953 гг. М., 1999. С. 619.

** Там же, с. 499—500.

*** Бодался телёнок с дубом. С. 44.

**** Архипелаг ГУЛАГ... Т. 4. С. 68.

вый жарок — тот жарок, от которого под бушлатом, под телогрейкой, под верхней и нижней рубахами мокреет. Но они ни на миг не останавливались и гнали кладку дальше и дальше. И часом спустя пробил их второй жарок — тот, от которого пот высыхает. В ноги их мороз не брал, это главное, а остальное ничто, ни ветерок лёгкий, потягивающий — не могли их мысли отвлечь от кладки. — В пересказе А. С. Берзер дошло до А. С., как Хрущёв «хорошо слушал» чтение «Одного дня Ивана Денисовича»: «Всё было одобрено до конца, и особенно понравилась, конечно, сцена труда, “как Иван Денисович раствор бережёт” (это Хрущёв потом и на кремлёвской встрече говорил)*. На кремлёвской встрече 17 декабря 1962 г. А. С. записал среди прочего фразу Хрущёва: «Но как Иван Денисович раствор сохранял — это меня тронуло»**. Лакшин в статье «Иван Денисович, его друзья и недруги» («Новый мир», 1964. № 1) тоже восхитился тем, как Шухов кладёт стену: «Уж и когда, не запомню, читали мы в нашей прозе такое поэтическое и одухотворённое описание простого рабочего труда; автор так окунает нас в его ритм и лад, что, кажется, сам чувствуешь напряжение всех мышц, и тяжесть, и утомление, и дружный азарт работы»***. Тюремный товарищ А. С., Дмитрий Панин, напротив, яростно упрекал его за то, что позволил Ивану Денисовичу самозабвенно отдаться рабскому труду. В ответ А. С. написал: «Как же Ивану Денисовичу выжить десять лет, денно и ночью только проклиная свой труд? Ведь это он на первом же кронштейне удавиться должен!»

<...> такова природа человека, что иногда даже горькая проклятая работа делается им с каким-то непонятным лихим азартом. Проработав два года и сам руками, я на себе испытал это странное свойство: вдруг увлечёшься работой самой по себе, независимо от того, что она рабская и ничего тебе не обещает. Эти странные минуты испытал я и на каменной кладке (иначе б не написал), и в литейном деле, и в плотницкой и даже в задоре разбивания старого чугуна кувалдой. Так Ивану-то Денисовичу можно разрешить не всегда тяготиться своим неизбежным трудом, не всегда его ненавидеть?»****

С. 70. ...из заказника лес привозили в шесть сажень. — Сажень равна 2,1336 метра. Значит, речь о брёвнах длиной под 13 метров.

С. 80. — Например, пенсне на корабельной снасти повисло, помните? <...> Или коляска по лестнице — катится, катится. <...> Потом черви по мясу прямо как дождевые ползают. — Цезарь и кав-

* Бодался телёнок с дубом. С. 41.

** Там же. С. 66.

*** Владимир Лакшин. Литературно-критические статьи. М., 2004. С. 57.

**** Архипелаг ГУЛАГ... Т. 5. С. 240, 241.

торанг перечисляют эпизоды из фильма Сергея Эйзенштейна «Броненосец “Потёмкин”» (1925).

На обсуждении рукописи рассказа в «Новом мире» 23 июля 1962 г. А. Г. Дементьев «яро вступился за Эйзенштейна, его «Броненосец “Потёмкин”»*. А. С. возразил: «А спор об Эйзенштейне, показавшийся Александру Григорьевичу литературным, я не выдумал, а в самом деле в лагере слышал»**.

С. 91. А у меня «Вечёрка» свежая, смотрите! <...> Тут интереснейшая рецензия на премьеру Завадского!.. — Юрий Карякин заметил: «Действие в повести происходит в январе 1951 г., а в декабре 1950 г. в “Вечерней Москве” была опубликована рецензия на премьеру пьесы А. Сурова “Рассвет над Москвой”. Случайно или нет это совпадение, неизвестно. Но перечитать пьесу и рецензию в сопоставлении с “Одним днём” небезынтересно»***. В разговоре с Лакшиным тогда же А. С. отозвался на эту догадку так: «“Вечёрку” я не имел в виду, когда писал, у меня не было возможности её просмотреть, хотя, надо признать, это в моём характере»****.

С. 100. ...про войну в Корее спорят: оттого де, что китайцы вступились, так будет мировая война или нет... — В войне, начатой Северной Кореей против Кореи Южной 25 июня 1950 г., северяны поддержали так называемые китайские добровольцы, на самом деле — регулярные воинские части Китая. 26 ноября на стороне Северной Кореи выступили четыре китайских армии (около 200 000 человек). Впоследствии численность китайских войск в Корее превысила миллион человек. Война закончилась перемирием, подписанным 27 июля 1953 г.

С. 104. ...перед ялтинским совещанием... — В Ялте (точнее — в Ливадии, в трёх километрах от Ялты) с 4 по 11 февраля 1945 г. проходила конференция руководителей трёх союзных держав — Сталина, Рузвельта и Черчилля.

С. 107. ...пятьдесят восемь-четыренадцать... — «Пункт Четырнадцатый (58-й статьи. — В. Р.), — отмечает А. С., — карал “сознательное неисполнение определённых обязанностей или умышленно небрежное их исполнение” — карал, разумеется, вплоть до расстрела. Кратко это называлось “саботаж” или “экономическая контрреволюция”, а отделить умышленное от неумышленного мог только следова-

* В. Лакшин. «Новый мир» во времена Хрущёва. С. 66.

** Там же. С. 67.

*** Проблемы мира и социализма. 1964. № 9. С. 83.

**** В. Лакшин. «Новый мир» во времена Хрущёва. С. 250.

тель, опираясь на своё революционное правосознание. Этот пункт применялся к крестьянам, не сдающим поставок. Этот пункт применялся к колхозникам, не набравшим нужного числа трудодней. К лагерникам, не вырабатывающим норму. И рикошетом стали после войны давать этот пункт блатарям за побег из лагеря, то есть расширительно усматривая в побеге блатного не порыв к сладкой воле, а подрыв системы лагерей»*.

С. 111. *«Хлеб наш насущный даждь нам днесь!»* — Евангелие от Матфея, 6: 11; Евангелие от Луки, 11: 3.

С. 112. *Апостол Павел вот как говорил: «Что вы плачете и сокрушаете сердце моё? Я не только хочу быть узником, но готов умереть за имя Господа Иисуса!»* — Деяния святых апостолов, 21: 13.

* Архипелаг ГУЛАГ... Т. 4. С. 78.